
ОБРАЗ БАРНАУЛА В ПОЭЗИИ БАРНАУЛЬЦЕВ¹*Т.А. Богумил*

Ключевые слова: городской текст, М.И. Юдаlevич, Н. Николенкова, локус, топос, модель города.

Keywords: urban text, M.I. Yudalevich, N. Nikolenkova, locus, topos, pattern of the city.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-08

Изучение литературных репрезентаций города является одним из актуальных на сегодняшний день подходов в литературоведении. Традиция исследования «городских текстов» начала формироваться в работах о Петербурге Н.П. Анцифорова и представителей тартусско-московской семиотической школы (В.Н. Топорова, Ю.М. Лотмана, Т.Г. Цивьян и др.). На сегодняшний день созданы труды не только о столичных Петербурге и Москве, но и о провинциальных русских городах: Архангельске, Петрозаводске, Челябинске, Екатеринбурге, Старой Руссе... Пионерской работой о Барнауле стала написанная в 1990-е годы статья В.В. Десятова и А.И. Куляпина [Десятов, Куляпин, 1998]. Существуют публикации об образе Барнаула в прозе местных авторов [Богумил, 2016a; 2016b]. В настоящей статье в качестве материала изучения была избрана стихотворения барнаульских поэтов.

Образ Барнаула в местной поэзии формировался в русле двух главных векторов: исторического и психологического, общественного и частного. Соответственно, в центре внимания представителя той или иной парадигмы становились разные городские объекты: краеведчески значимые, вызывающие эмоции в диапазоне «патриотическая гордость – историческая вина», и обыкновенные, ничем не примечательные для «большого времени» элементы города, несущие, тем не менее, лично важный смысл. Надо сказать, любой человек моделирует картину мира, в том числе пространства своего обитания, избирательно и антропоцентрично, даже эгоцентрично. Весьма показательны в этом смысле результаты психолингвистического эксперимента по созданию субъективной «карты» Барнаула горожанами. В языковом сознании

---

¹ Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ (№ 18-412-220004) и Министерства образования и науки Алтайского края (договор Н-26) «Алтай в отечественной литературе XX-XXI вв.: культурно-туристический потенциал».

горожан есть заполненные и незаполненные зоны города. Освоенными, как правило, являются центр города, конкретное место проживания (дом) и жизнедеятельности (место учебы, работы, отдыха) человека [Позднякова, 2014].

Известный на Алтае писатель-краевед М.И. Юдалевич писал о Барнауле разнообразно: и в прозе (художественной и публицистической), и в поэзии. Главный ракурс стихотворений о Барнауле – память города. Знаковые места, например, Демидовская площадь, чередуются с обычными для любого городка старыми кварталами и улицами, но все эти локусы одинаково «пропитаны» историей. Ход времени отмечен сменой имен топонимов. Например, «Площадь для обелиска» становится «Конюшенной», а в советский период – «Пионерской». Официальной номинации противостоит народное название – «Демидова», которое и стало окончательным на сегодняшний день названием площади («Демидовская площадь») (Юдалевич, 2000, с. 79)¹. Своего рода историко-культурным комментарием к названию улиц и возникновению зданий выглядят лиро-эпические произведения другого представителя «общественной» линии, Г.П. Панова: «Сказ откуда есть пошли Олонские да Тобольские улицы» (1730), «Ставленье Знаменского храма» (1748) (Панов, 1980, с. 96–99).

Благодаря знаниям и фантазии лирического субъекта М.И. Юдалевича старые дома начинают жить в двух временных пластах, настоящем и прошлом. Сквозь современность просвечивает горнозаводское начало города: «...в приземистой избушке той / демидовские рудознатцы / зимой вставали на постой» («Старые кварталы») (Юдалевич, 2000, с. 78). Старые кварталы помнят «уличные бои» и штурм домов «колчаковскими вояками», гражданскую войну: «были белые, были красные» («Старый город! Не надо хмуриться...»)². Память о прошлом зачастую сопровождается ощущением вины. Так, в стихотворении «Собор в Барнауле» (Юдалевич, 2000, с. 80) описывается варварское крушение храма, в котором принимал участие авторизованный рассказчик:

*И весь устремлен в поднебесье,
как будто к полету готов,
он символом был мракобесья*

¹ Здесь и далее в круглых скобках даны ссылки на тексты из списка источников, приведенного в конце статьи.

² <https://www.amic.ru/news/308195/>

*по меркам тридцатых годов.
За это с размахом немалым,
довольные очень собой,
мы рвали собор аммоналом,
ломали ломами собор.
Мы были не люди, а масса,
и в этот вписались оскал
ребята из нашего класса,
конечно, и я не отстал.*

Возможно, именно ощущение своей причастности к гибели «*летающей его красоты*» и стало импульсом к противоположному, созидательному вектору пути М.И. Юдалевича, собирателя и хранителя «*золотой давности*» края.

Город в его стихах описан как живое существо, пространство последовательно антропоморфизуется: «*Старый город! Не надо хмуриться*», «*вспомни*», «*дома рвались в небеса, / и приземистые, плечистые / заводские росли корпуса*». Из текста в текст переходят «*славные сыны*» города, его гордость: Иван Ползунов («*...творил мужик мастеровой / чертеж невиданной машины, / своей машины огневой...*»), «*генерал Фролов*». Обязательно упоминается «*опальный Достоевский*»¹ («*Старые кварталы*») (Юдалевич, 2000, с. 78).

Другой метафорический ряд связан с представлением города как текста: «*Эти домики, словно томики / в давнем детстве прочитанных книг. / Эта улица книжную полкою...*» («*Улица Анатолия*») (Юдалевич, 2000, с. 81). Маленькая, неприметная улица детства вписывается в традиционный для региональной лирики сюжет о возвращении блудного сына:

*Я не знаю, что с нами стало бы,
если б где-то, пусть далеки,
нас не ждали до самой старости
эти тихие уголки.
Если б наши дороги дальние,
и кривить и прямить устав,
не вели бы в исповедальные,
в изначальные те места
(Юдалевич, 2000, с. 81).*

¹ О роли Барнаула в жизни и творчестве Ф.М. Достоевского см.: [Сафронова, 2015; 2018].

Тем самым родной город по значимости своей приближается к статусу сакральной Книги Книг, что советским поэтом, конечно же, не имелось в виду, но на уровне подтекста прочитывается.

Обе обозначенные модели: город-человек, город-книга – являются инвариантными матрицами для построения текста о любом городе. Уникальным высказывание о Барнауле делает его исторически и топонимически конкретная «плоть».

В целом, стихотворения указанных авторов носят иллюстративно-краеведческий характер. Поэтому они особенно востребованы в экскурсоводческой деятельности. Возможность кратко и эмоционально соотнести городские объекты с историческим прошлым помимо мнемонической, эвристической и развлекательной функции способствует, вне всяких сомнений, формированию в слушателях и читателях локальной самоидентичности.

Совсем иначе представлен город в лирике Натальи Николенковой, пожалуй, самого «барнаулоцентричного» автора. Элементы локуса также насыщены смыслом, но не общественным историческим и прошедшим, а личным и настоящим. Улицы, переулки города являются пространством любовного сюжета: *«Они созвонились почти случайно / И весь вечер гуляли по городу. <...> / Они целовались очень осторожно»* («В день рождения Ирвина Уэлша...») (Николенкова, 2014, с. 51), *«Давай устроим детский сад: / По подворотням обниматься, / Сюсюкать, гладить все подряд, / Как будто нам опять двенадцать»* («Рахат-лукум») (Николенкова, 2010, с. 87); *«Мы встречаемся в странных местах, / Под дождем, возле дедушки Ленина. / Все свидания – там, сто из ста, / Все мужчины и все поколения»* («Мы встречаемся в странных местах...») (Николенкова, 2010, с. 11); *«Пойдем гулять по Осипенко, / По Пивоварке, по солярке! / Как незаметно, постепенно / Любовь меняет аватарки! <...> Ты где-то рядом, чую носом, / Тебя по запаху узнаю»* («Пойдем гулять по Осипенко...») (Николенкова, 2014, с. 64).

Прогулка по городу носит отчетливо эротический характер:

*Как я люблю по городу гулять
Без видимых причин, спонтанным курсом,
Опустошая вафельный рожок
С бесстыдством подростковой Камасутры.
(«Эротика») (Николенкова, 2010, с. 97).*

Финал любовного романа также связан с перемещением по городу. В стихотворении с рефреном «Прощай моя любовь!» упомянуты магазин «Под шпилем», безымянные кофейня, базар и кинотеатр, площадь Октября («Прощай моя любовь!..») (Николенкова, 1993, с. 14). Город спасает от отчаянья, возможно, потому, что именно он и является подлинным возлюбленным героини:

*Блуждая по вечерним городам,
Рассмотришь даже то, чего не видно,
Забудешь, что бедна и голодна,
Что влюблена безжалостно-постыдно <...>
Как этот город ласково горяч!
Как эта темнота сентиментальна!*
(«Блуждая по вечерним городам...») (Николенкова, 2001, с. 66)

А возможно, потому, что город и есть поэт:

*Сердце залети – и расплети,
Будешь совладельцем артефакта.
Нарисуй мне звезды на груди,
На асфальте Павловского тракта*
(«Сердце залети – и расплети...»), (Николенкова, 2010, с. 66).

Как следствие, тема провинции, неизменно возникающая в связи с маленькими городками, решается у Н. Николенковой весьма своеобразно. Известно, что наиболее важным хронотопом в системе отношений «провинция – столица» является вокзал или аэропорт, предоставляющий возможность вырваться или, наоборот, вернуться. Не случайно предметом особого внимания С.М. Козловой в статье, посвященной провинциальной самоидентичности барнаульских поэтов, становится вокзал. Центробежный вектор имеют строки Тамары Степанской, Елены Вагнер. Возможность вырваться из «этой Богом забытой страны» оказывается иллюзорной для лирического героя Евгения Банникова и оборачивается «внутренней эмиграцией» [Козлова, 2008, с. 68-78]. У Николенковой же вокзал не выделен из ряда типичных городских локусов, тема отъезда / приезда не затронута вовсе: «*И городской пейзаж прекрасен / Возле бессонного вокзала*» («Мороз») (Николенкова, 2014, с. 31). И вокзал, и другие атрибуты города для лирического субъекта овеяны эмоцией любви, являются предметом любования: «*Еще люблю чахоточные дни, / Ртуть октября, разлитую в природе, / Кафешантанов мерзлые огни, / Стук каблучков в подземном переходе, / Слепой пунктир осеннего*

дождя, / Последнего в сезоне уходящем («Еще люблю чахоточные дни...») (Николенкова, 2010, с. 27), *«Мне нравятся вечерние бульвары, / Тугие толпы маленьких людей»* («Мне нравятся вечерние бульвары...») (Николенкова, 2014, с. 65), *«Вкусно пахнет от хлебозавода»* (Николенкова, 2014, с. 68).

В то же время Николенкова более чем далека от патриотических установок, тиражирующих лозунг «Барнаул – Столица Мира». Это выражение придумал Сергей Лазорин, барнаульский рок-музыкант, лидер группы «Девять» и прототип персонажа повести С.М. Орехова «Барнаул – столица мира»¹. Одна из песен группы начиналась так: *«Говорит “Радио-Барнаул”. Барнаул – Столица Мира»*. В повести акцентировано географическое положение города в центре Евразийского материка и мессианские чаянья горожан: быть провинциальному Барнаулу Столицей Мира, столицей духа. Давно став расхожим штампом среди барнаульских обывателей, этот концепт проник и в поэзию. Так, Алексей Власов в стихотворении «Барнаулу» восклицает: *«Нет места в мире лучше Барнаула! / Весны столица – город Барнаул!»* (Власов, 2014, с. 29). Елена Гешелина в стихотворении «Родному городу» язвит: *«Ты очень хочешь быть столицей, / но столицей нужно родиться»* (Гешелина, 2010, с. 6). А Юлия Нифонтова вопрошает:

*Почему называют столицей мира
Не веселый Париж, не горячий Стамбул,
Не монгольскую степь, не вершины Памира,
Не какой-нибудь сити – тебя, Барнаул?*
(«Почему называют столицей мира...»)².

Сознательно, или нет, но поэтесса обращается здесь к некоторым опробованным ранее рифмам и контрастам. Так, в ироничном стихотворении В. Нечунаева «Необычайная история, бывшая в городе Барнауле жарким летом 19... года» обыгрывается пара «Барнаул – не Стамбул». Специфика *«орденоносного Барнаула»* по сравнению с восточным Стамбулом обнаруживается в отсутствии малоподвижных соревновательных форм деятельности: *«карт не любят, не играют в домино»*. Стихийная активность барнаульцев направлена на стадион «Локомотив», грозя снести малопоместительное сооружение. Народные массы обуздал водопровод: включили воду и все побежали не на стадион, а домой, запастись ею. Государственной «орденоносности» и агитации спорта противостоит неизбывная

---

¹ Издавалась в разных редакциях в 1989, 1992, 1998 годах. Последнее, дополненное, издание: (Орехов, 2002).

² <https://www.amic.ru/news/308195/>

провинциальность городка и его бытовые неурядицы (Писатели Алтая, 2000, т. 2, с. 143-144). Частотность рифмы «Барнаул – Стамбул», по замечанию А.И. Куляпина, может быть прочитана в историософском контексте. Как известно, Стамбул – это в прошлом Константинополь, то есть второй Рим. В «Папской булле» А. Вознесенский называет Барнаул четвертым Римом (Вознесенский, 1990, с. 64). Путь Барнаула прямо противоположен Константинополю, который пал и стал столицей Востока. Барнаул же преодолевает свою «азиатчину» и становится мировой столицей – четвертым Римом.

Барнаул и Париж впервые поместил в пределах одной фразы В. Высоцкий в стихотворении «Я верю в нашу общую звезду...» (1979). Е.А. Худенко комментирует это соседство следующим образом: «...во-первых, полнотность заданной системы координат работает как символ западного (Париж) и восточного (окончание «-аул» несведущим людям часто позволяет думать, что город азиатский), и во-вторых, любовная история отношений Высоцкого с Мариной Влади масштабируется не только вертикальным пространством полета, но и «полнотностью» типично западного и типично азиатского миров» [Худенко, 2019]. Оппозиция Запада и Востока в связи с Барнаулом прослеживается и в черновике стихотворения «Москва-Одесса» (1967):

*Затеяли интригу
летящие на Ригу –
Их самолет угнали в Барнаул...
Барнаул – это вам не Бейрут, –
Зря рижане поверили – врут,
Террористы туда не попрут,
Их там живо самих заберут... (цит. по: [Худенко, 2019]).*

Одномоментное противопоставление Барнаула Риге (европейскому городу) и Бейруту (Ближний Восток), по мнению исследователя, проявляет «маргинально-конфликтную и глубоко провинциальную природу этого городского топоса» [Худенко, 2019]. Добавим, что в приведенных примерах пространство аэропорта как бы расширяется, подминая под себя весь город, превращая его в транзитный пункт.

Список городов, которыми *не* является Барнаул, достраивается в стихотворении Н. Николенковой «В кафе»: «*не Петербург, не Прага, не Оттава*» (Николенкова, 2001, с. 63). Столичность города отрицается, но в то же время и утверждается: «*И целеустремленная ходьба / По Ленинскому, словно по Гаване, / По Рио-де-Жанейро, по Москве. / По Питеру, по Бресту, по Парижу!*». Двойственный статус

города объясняется его бытованием в материальном и фантазийном мире: «вижу даже то, чего не вижу» («Меня уволили. Да здравствует судьба...») (Николенкова, 1993, с. 32). То, что в реальности провинция и неуют, в творческом воображении преобразуется в прекрасное зарубежье: «Под ногами – дерьмо и Венеция. / В голове – васильки и Флоренция» («Весна») (Николенкова, 2001, с. 19). Подобного рода бегство от реальности, согласно наблюдениям С.М. Козловой, характерно для женской лирики Барнаула (на материале лирики Т.М. Степанской, Ф.А. Габдрауповой и Е.Н. Вагнер). Провинциальная саморефлексия реализуется либо в форме «имитации столичных стандартов», либо как «вытеснение из сознания реального места обитания и замещение его иллюзорными проектами райских садов, театром, ездой в страну любви» [Козлова, 2008, с. 74]. Вот, к примеру, Елена Гешелина пишет: «я задыхаюсь в четырех стенах / шестисоттысячного города / забирай меня к себе в стихи» («Раньше в Сибирь ссылали...») (Гешелина, 2010, с. 45). Эскапистические настроения возникают и у Н. Николенковой: «Ну что, душа, заманчиво свернуть / К зеленым побережьям Суринама? / Заходишь в Атлантический по грудь – / И где там Барнаул, и где там мама!..». Но возможность ухода в иные пространства и миры в итоге отклоняется: «Вот штука в чем: ты не свернешь, мой друг, / Так и замерзнешь в северных широтах» («Парамарибо») (Николенкова, 2010, с. 36); «Мы не поедим в Занзибар, / Оставим глупые мечтанья» (Николенкова, 2014, с. 76). Лирический субъект принимает свое существование в этом пространстве без надрыва и истерик, как должное и по-своему прекрасное:

*По социуму, по Соцу¹,
По маленькой жидкой реке,
Сама себе штурман и лоцман,
Со щеткой зубной в рюкзаке...
Не вырваться? Да и не надо!
Невесело? Это вранье:
В любом закоулке ада
Есть очарованье свое²*

(«По социуму, по Соцу...») (Николенкова, 2014, с. 70).

¹ Социалистический проспект.

² Ср. с переживанием невозможности вырваться из замкнутого круга карусели в стихотворении В. Тихонова «Из детства»: «А какой-то мальчик плачет, словно стонет. / Как укор или восхищение горсаду? / Он не верит: как же так – неужто пони / Не сумеют, не ускачут / за оградой?» (Писатели Алтая, 2000, т. 2, с. 266).

Пусть «*Барнаул не стоит мессы*» и представители городской богемы встретятся «*в горниле адовых пекарен*» («Все встретится, в конце концов...») (Николенкова, 2010, с. 80), но именно в этом, неказистом для стороннего взгляда пространстве возможно рождение чуда поэзии:

*И в этих скудных декорациях,
Среди загаженных снегов,
Цветут роскошные акации
И для друзей, и для врагов.
И в этой жалобной провинции,
Где даже дети не смешны,
Идут по улицам провидцы
Благоухающей весны*

(«И в этих скудных декорациях...») (Николенкова, 2001, с. 42).

Вспоминается ахматовское: «*Когда б вы знали, из какого сора / Растут стихи, не ведая стыда*». Стихотворения Н. Николенковой – своего рода апология провинциального Барнаула, обнаружение его позитивной, любовной и креативной, составляющей.

Необходимость подробного рода оправдательной стратегии становится очевидной на фоне стихотворения В.Н. Токмакова «*Вон там начинается частный сектор...*» (Токмаков, 2017, с. 258-259). В противовес оваянным историей старым кварталам Юдалевича и пропитанным любовью улочкам Николенковой «*дальний квартал*» вмещает в себя маргинальные и уродливые явления провинциального города: «*По трущобам, притонам, гадюшникам, / по цыганским развратным домам*» бродит «*неподкованным Пушкиным*» лирический герой Токмакова, «*чтобы познать свою родину*». Метонимический перенос превращает окраину города в образ провинции как таковой, шире – образ страны. Итог «*хождения в народ*» в 1990-е годы неутешителен: «*Здесь погиб не один ломоносов, / сколько репиных сгнуло тут*». Пространство города у Токмакова, с одной стороны, обращено к типовым объектам маленького провинциального города, достоверным и конкретным: «*Трубы, заводы, хрущевки, мосты, / Еду к родителям в спальный район, / Стройки, общаги, пивбар “Без проблем”...*». С другой, как и в вышеупомянутом стихотворении, стремится оказаться большим, чем есть. Весь приведенный перечень вмещается в символическое название «*интерната*» – «*Русь*» («Трубы, заводы, хрущевки, мосты...»)

(Токмаков, 2017, с. 237-238). Другой пример. Поездка на трамвае с реальными названиями остановок оборачивается развернутой метафорой человеческой жизни:

*Остановка Покровский Собор...
Все религии – просто вздор,
Дальше идет – остановка Конечная...
Жизнь моя – простая и вечная,
Не проехать бы, не промахнуться...
Кольцевая – чтоб снова вернуться,
Но уже с другой стороны, –
Где ни Бога, ни этой страны...
(Токмаков, 2017, с. 261).*

Отнюдь не случайно название одного из ранних сборников стихотворений поэта – «Двойное дно». В поэтическом мире Токмакова действительность многомерна, сквозь реалии просвечивают инвариантные структуры. Так, возлюбленная лирического героя «едина в сотне лиц», увидеть ее можно «одновременно и в кино, и в церкви, и за окном идущего трамвая» («Подъезд») (Токмаков, 1997, с. 11). Аллюзия на идею В. Соловьева о Мировой душе, Софии, о чем недвусмысленно написано в ироничных примечаниях к стихотворению, позволяет увидеть в подобном мироустройстве не только неоромантическое двоемирие, сочетающее явный и подлинный миры, но и дополнительный цитатный уровень, своего рода семиосферу. Игра с культурными концептами особенно очевидна в постмодернистском опыте В. Токмакова «Стихотворение с эпиграфами» (Токмаков, 1997, с. 22-23), где «в эту дыру, Барнаул, Богом проклятый угол» сослан Н.В. Гоголь, живущий вечно в разных ликах и пространствах, наказанный за свое «гениальное Слово». Сквозь призму культуры воспринимает пространство города и М. Гундарин. Например, в поэме «Рассвет на Балтийской» в связи с улицей упоминается «охранная грамота» Б. Пастернака (Литературный путеводитель..., 2014, с. 6), многократны отсылки к мировой литературе в прозаических фрагментах о Барнауле, но этот материал выходит за рамки настоящей статьи.

Авторские рефлексии о сути любого города рано или поздно обращаются к его астиониму (названию). Так, например, Л. Мерзликин писал, рифмуя западное с восточным:

*Отгостил ты месяц в Барнеаполе,
Так зову я город Барнаул,
Мало мы деньжат тебе накапали,*

Но пойми: ведь это же аул
(«Борода») (Мерзликин, 1997, с. 102).

Наиболее очевидны смысловые потенции имени города для поэтов, оказавшихся в нем проездом, так сказать, со свежим взглядом и слухом. Видимо, ассоциативный процесс более активен в отношении незнакомого слова. Местным же поэтам приходится предварительно «остраниться» от топонима¹. В песне В. Высоцкого «Летела жизнь» (1977) возникает рифма «Барнаул – караул», характеризующая locus как место конфликтов, криминала и маргинальности [Худенко, 2019]. Позднее эта рифма повторится в стихотворении А. Вознесенского «Барнаульская булла» (Вознесенский, 1990, с. 59-64), которое может считаться своего рода апофеозом параграмматических игр с именем города. Весьма развернутый и показательный реестр ассоциаций подытожен авторами статьи «Барнаульский миф в русской литературе», по мнению которых важнейшими образно-смысловыми аспектами города являются «дикость, агрессивность (“а то б пырнули”), святость (“Афонград?”), аграрность (центр сельскохозяйственного края: “АГРАГРАД”), соотнесенность с фольклорным “тридевятым царством”, на пороге которого сказочный герой встречается с бабой Ягой (“Бабыгад?”), и с рериховскими Гималаями (“В вас проступают Гималаи”, “к вам Рерих /шел по струящемуся плато”))» [Десятов, Куляпин, 1998, с. 196]. Добавим, что звуковой комплекс топонима увязывается поэтом одновременно с синонимом бескультурья – словом «варвар» (= удвоенное «бар»), и культурой – авангардистским Дырбулшил и символистским Бальмонтом; телесным низом – «кассет порнобаул» и духовной высью – г. Белухой. Создаваемая на основе паронимической аттракции поэтическая реальность мыслится пространством контрастов, благословимым и благословляющим. Рифма «Барнаул – выборы на ул.» в стихотворении Вознесенского не только затрагивает характерную для эпохи перестройки тему политического голосования, но и ситуацию экзистенциального выбора, приуроченную именно к Барнаулу.

Наталья Николенкова подхватывает эстафету: «*Это только Бар на ул., /Прочерк в сводках ВВС*» («Косяки ночных акул...») (Николенкова, 2014, с. 73). Малость городка, не позволяющая ему стать предметом международного интереса, превращает его в бар на

¹ Лингвисты полагают, что концептуальное наполнение топонимов особенно интенсивно происходит в языке людей, относительно недавно закрепившихся на территории, где сохранились географические названия предыдущих культур и языков. Непонимание этимологии слова провоцирует рост фонетических и иных ассоциаций [Калинина, 2008].

карте мирового города. Следует отметить, что кафе или бар – едва ли не самый частотный локус в пределах николенковского Барнаула: «Я – в *Pistols'е*. Бьет рок-н-ролл по ушам» («Мышиный горошек не ведом мышам...») (Николенкова, 2010, с. 4), «На Ленинском поэмка начинается...» (Николенкова, 1993, с. 9), «В кафе» (Николенкова, 2001, с. 63), «Джаз-клуб» (Николенкова, 2001, с. 93). Но главным для города являются улицы, «спрятанные» в его имени. «Мы бродим по Барнаулу, не совпадая, – но рядом», – написано в раннем стихотворении «Если друзья не звонят...» (Николенкова, 1993, с. 25). Отстранившись от конкретной лирической ситуации одиночества, укажем на звуковые переключки топонима и глагола (*бродим – Барнаул*), что делает процесс блуждания, прогулок неотделимым от города. Действительно, лирический субъект Николенковой постоянно перемещается по городу:

Полгорода прошла пешком

Моя разнеженная тушка.

Душа летела мотыльком.

Она должна летать, старушка!

(«Вино не может быть сухим...») (Николенкова, 2014, с. 46).

Ощущение полета и счастья усиливают транспортные средства, притом не всякие, а лишь автобус: «Мы обогнали 57-й / На нашем скоростном 60-м. / Какое упоенье, Боже мой!» («Мы обогнали 57-й...») (Николенкова, 2014, с. 69); «...Словно ангел, подлетит / Мой ночной 48-й» («Косяки ночных акул...») (Николенкова, 2014, с. 73); «А счастья – много <...> / Когда в автобусе трещишь / С подругой, словно гимназистка» («Дмитрова, 66 – АлтГУ») (Литературный путеводитель..., 2014, с. 9). Автомобили, такси и трамваи связаны с агрессией: «Косяки ночных акул – / Плотоядные такси» (Николенкова, 2014, с. 73); концом любви: «Ты будешь яростно ловить такси» («Прощай моя любовь!...») (Николенкова, 1993, с. 14); смертью: «Когда кружится голова, / Откатываясь от трамвая» («Сонет») (Николенкова, 1993, с. 57), «Опять замело Барнаул по самым крышам. / Сто двадцать автомобилей столкнулись, летя. / Я ухом – к снеговика: тихонечко дышит. / А я? Приложите ухо ко мне! Хотя...» («Давно-давно ни с кем не спала в обнимку...») (Николенкова, 2010, с. 81).

Подытоживая вышеизложенное, следует признать, что проведенное нами исследование далеко от исчерпанности. Несомненно, литературная модель Барнаула может и должна быть дополнена как именами авторов, ее создателей, так и мотивами, образами, атрибутами, заполняющими специфически барнаульское семиотическое пространство. Как «знаковая система, состоящая из предметных реалий, сложившихся ценностей,

литературных архетипов, мотивов, имен, устойчивых идеологем» [Голубков, 2010, с. 4], «барнаульский текст» находится на начальной стадии изучения. Тем не менее, можно с определенной долей уверенности утверждать, что основные параметры фрагмента этого текста, сформированного лирикой местных, и не только, поэтов, могут быть дифференцированы на типологические и индивидуальные. Универсальными для любого «городского текста» являются системные аналогии «город-человек» (в том числе сам поэт), «город-книга, текст» (в том числе интертекст), «город-центр мира», «город-ад», «города-двойники (близнецы и антиподы). Типично обращение поэтов к паронимической аттракции при «расшифровке» имени города. Но то, как воплощаются эти общекультурные модели и творческие стратегии в применении к конкретному историко-географическому, психолого-биографическому и топонимическому материалу, является совершенно уникальной поэтической реальностью.

Литература

Богумил Т.А. Голубая Дама: барнаульский текст и миф // Сибирский филологический журнал. 2016а. № 4.

Богумил Т.А. Прогулки по Барнаулу мистическому // Геопозитика писателей Сибири и Алтая. Барнаул, 2016б.

Голубков С.А. Семантика и метафизика города: «городской текст» в русской литературе XX века. Самара, 2010.

Десятов В.В., Куляпин А.И. Барнаульский миф в русской литературе // Культура и текст. Литературоведение. СПб; Барнаул, 1998. Ч. 1.

Калинина Е.Л. Проблема концептуального содержания субстратных географических имен // Филология и человек. 2008. № 3.

Козлова С.М. Провинция в зеркале рефлексии современных поэтов-барнаульцев // Алтайский текст в русской культуре. Барнаул, 2008.

Позднякова Е.Ю. Проблема восприятия городского пространства и его отражения в языковом сознании горожан // Филология и человек. 2014. № 2.

Сафронова Е.Ю. Ф.М. Достоевский: «Желаю в Барнаул», «именно в Барнаул»: к 160-летию первого визита писателя // Сибирский филологический журнал. 2015. № 4.

Сафронова Е.Ю. Комическая повесть «Дядюшкин сон»: барнаульские впечатления Ф.М. Достоевского // Филология и человек. 2018. № 3.

Худенко Е.А. «Алтайский текст» в творчестве В. Высоцкого // Мир науки, культуры, образования. 2019. № 4.

Список источников

- Власов А.В. Цветы для мамы. Барнаул, 2014.
Вознесенский А. Аксиома самоиска. М., 1990.
Гешелина Е. Антисобытие. Барнаул, 2010.

- Литературный путеводитель по Барнаулу (М. Гундарин, К. Гришин, П. Госсен, Н. Николенкова, Е. Ожич, В. Токмаков) // Ликбез. 2014. № 26.
- Мерзлякин Л.С. Избранное. Барнаул, 1997.
- Николенкова Н.М. Девятое марта. Барнаул, 1993.
- Николенкова Н.М. Завтрак на траве. Барнаул, 2014.
- Николенкова Н.М. Карманная психиатрия. Барнаул, 2001.
- Николенкова Н.М. Малютка жизнь. Барнаул, 2010.
- Орехов С.М. Барнаул – Столица Мира. Человек последнего круга. Барнаул, 2002.
- Панов Г.П. Высокий полдень. Барнаул, 1980.
- Писатели Алтая: в 15-и тт. Барнаул, 2000. Т. 2. Антология алтайской поэзии.
- Токмаков В.Н. Двойное дно. Барнаул, 1997.
- Токмаков В.Н. Стихи из захолустья // Токмаков В.Н. Запретная книга Белого бурхана. Барнаул, 2017.
- Юдалевич М.И. Золотая давность. Стихи о Барнауле // Барнаул. История культуры. Барнаул, 2000.

References

- Bogumil T.A. *Golubaya Dama: barnaul'skiy tekst i mif* [The Blue Lady: The text and myth of Barnaul]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2016a. No 4.
- Bogumil T.A. *Progulki po Barnaulu misticheskomu* [Walks in the Mystical Barnaul]. In: *Geopoetika pisateley Sibiri i Altaya* [Geo-poetics of Siberian and Altai writers]. Barnaul, 2016b.
- Golubkov S.A. *Semantika i metafizika goroda: «gorodskoy tekst» v russkoy literature XX veka* [Semantics and Metaphysics of the City: “urban text” in Russian literature of the twentieth century]. Samara, 2010.
- Desyatov V.V., Kulyapin A.I. *Barnaul'skiy mif v russkoy literature* [Barnaul Myth in Russian Literature]. In: *Kul'tura i tekst: Literaturovedenie. Ch. 1* [Culture and text: literary criticism: Pt. 1]. Sankt-Peterburg, Barnaul, 1998.
- Kalinina E.L. *Problema kontseptual'nogo sodержaniya substratnykh geograficheskikh imen* [The Particularities of Conceptual Filling of Substrative Toponyms]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2008. No 3.
- Kozlova S.M. *Provintsiya v zerkale refleksii sovremennykh poetov-barnaul'tsev* [Province in the Mirror of Reflection of Modern Barnaul Poets]. In: *Altayskiy tekst v russkoy kul'ture* [Altai text in Russian culture]. Barnaul, 2008.
- Pozdnyakova E.Yu. *Problema vospriyatiya gorodskogo prostranstva i ego otrazheniya v yazykovom soznanii gorozhan* [The Problem of the City Space Perception and Its Reflection in the Language Consciousness of the Citizens]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2014. No 2.
- Safronova E.Yu. *F.M. Dostoyevskiy: «Zhelayu v Barnaul», «imenno v Barnaul»: k 160-letiyu pervogo vizita pisatelya* [F.M. Dostoyevsky: «I wish to go to Barnaul», «precisely to Barnaul»: in commemoration of the 160th anniversary of the writer's first visit]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology]. 2015. No 4.
- Safronova E.Yu. *Komicheskaya povest' «Dyadyushkin son»: barnaul'skiye vpechatleniya F.M. Dostoyevskogo* [Comic story *Uncle's Dream*: Impressions of Barnaul on F.M. Dostoyevsky]. *Filologiya i chelovek* [Philology & Human]. 2018. No 3.
- Khudenko E.A. *«Altayskiy tekst» v tvorchestve V. Vysotskogo* [«Altai text» in the works of V. Vysotsky]. In: *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [The world of science, culture, education]. 2019. No 4.

List of sources

- Vlasov A.V. *Tsvety dlya mamy* [Flowers for Mom]. Barnaul, 2014.
- Voznesenskiy A. *Aksioma samoiska* [Axiom of Self-Search]. Moskva, 1990.
- Geshelina E. *Antisobytiye* [Anti-Event]. Barnaul, 2010.
- Literaturnyy putevoditel' po Barnaulu* (M. Gundarin, K. Grishin, P. Gossen, N. Nikolenkova, E. Ozhich, V. Tokmakov) [Literary guide to Barnaul (M. Gundarin, K. Grishin, P. Gossen, N. Nikolenkova, E. Ozhich, V. Tokmakov)]. In: *Likbez* [Likbez]. 2014. No. 26.
- Merzlikin L.S. *Izbrannoe* [Selected Poems]. Barnaul, 1997.
- Nikolenkova N.M. *Devyatoe marta* [March 9]. Barnaul, 1993.
- Nikolenkova N.M. *Zavtrak na trave* [Breakfast on the Grass]. Barnaul, 2014.
- Nikolenkova N.M. *Karmannaya psikhatriya* [Pocket Psychiatry]. Barnaul, 2001.
- Nikolenkova N.M. *Malyutka zhizn'* [Baby Life]. Barnaul, 2010.
- Orekhov S.M. *Barnaul – Stolitsa Mira. Chelovek poslednego kruga* [Barnaul – the Capital of the World. The man of the last round]. Barnaul, 2002.
- Panov G.P. *Vysokiy polden'* [High Noon]. Barnaul, 1980.
- Pisateli Altaya: v 15 t.* [Altai Writers: in 15 vols] T. 2. *Antologiya altayskoy poezii* [Vol. 2. Anthology of Altai poetry]. Barnaul, 2000.
- Tokmakov V.N. *Dvoynoe dno* [Double Bottom]. Barnaul, 1997.
- Tokmakov V.N. *Stikhi iz zakhlost'ya* [Outback Poems]. In: Tokmakov V.N. *Zapretnaya kniga Belogo burkhana* [The forbidden book of the White Burkhan]. Barnaul, 2017.
- Yudalevich M.I. *Zolotaya davnost'. Stikhi o Barnaule* [Golden Prescription. Poems about Barnaul]. In: *Barnaul. Istoriya kul'tury* [Barnaul. Cultural history]. Barnaul, 2000.

ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНОСТЬ КАК ГЕНЕРАЛЬНЫЙ СМЫСЛООБРАЗУЮЩИЙ ТЕКСТОВЫЙ ПРИЗНАК (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ Э. ДИКИНСОН «PARTING»)

И.В. Сергодеев

Ключевые слова: интертекстуальность, поэтический текст, текстовый признак, смысловой комплекс, контекст, интерпретация.

Keywords: intertextuality, poetic text, text feature, semantic complex, context, interpretation.

DOI 10.14258/filichel(2019)3-09

Изучение текста как продукта речемыслительной деятельности человека является актуальным и перспективным направлением языкознания. План содержания и план выражения (как два формальных текстовых аспекта) представляют собой интегративные